

КОЛДОВСКИЕ
МИРЫ

ГАЛИНЫ ГОНЧАРОВОЙ

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

АЙШЕТ
МАГИЯ
РАЗУМА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Гончарова, Галина Дмитриевна.

Г65 Айшет. Магия разума / Галина Гончарова. —
Москва : Эксмо, 2024. —416 с.

ISBN 978-5-04-206887-4

Обнаружить в пятнадцать лет, что ты монстр из страшных сказок, нелегко.

Айшет Ланат случайно узнала, что она маг разума, сила вырвалась в момент смертельной опасности. И превратила девушку в отверженную.

Больше нет шансов на тихую жизнь в деревне, на счастливое замужество с любимым, и остается только бегство.

Айшет, ее родители и брат решают уходить туда, где магов ценят и ставят на службу государству. В Раденор, в котором правит Проклятый король.

Но мало решить, надо еще дойти. А вокруг враждебный тебе большой мир, и надо защищать и себя, и родных.

Маги разума — монстры?

Ну так и не обессудьте и под руку не подворачивайтесь. Я уже иду.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гончарова Г. Д., 2024

© Оформление.

ISBN 978-5-04-206887-4

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

Осенний день, теплый и уютный, окутывает землю своим дымчатым шлейфом. Случаются такие дни ранней осенью, а иногда даже и поздней, если повезет. Сейчас осень была ранней — самое начало, природа еще не начала засыпать, но уже оглядывается по сторонам, поводит листьями деревьев, красит их в золотистый цвет, прячет подальше цветы, украшает лес гроздьями рябины и кутает небо гроздовыми облаками.

Сегодня солнце льется с небес как поток золотистого густого меда.

Деревья поводят длинными ветками, ветра сейчас нет, но в лесу никогда не бывает тихо, это словно шепот, который надо уметь услышать. Лес — поет, мурлычет себе под нос сказки, шелестит о чем-то своем, сокровенном, его только надо уметь слушать.

И сейчас он тоже рассказывает свои предания. Прикрой глаза, ощути его, растворись в грозной и спокойной силе, которая насчитывает века, — и поверь.

И в лесовиков, и в нечисть... нет, в нечисть сейчас верить совсем не хочется. И думать — тоже. И делать что-то, даже рукой шевельнуть, чтобы стряхнуть наглого муравья, — лень.

Мне нравится просто лежать на подстеленном плаще, чувствовать рядом тепло сильного мужского тела и ни о чем не думать. Впитывать этот день каждой частичкой своего тела и наслаждаться покоем.

Я точно знаю, какого цвета покой.

Он нежно-голубой, дымчатый, спокойный, словно чутьчку туманное небо. Он родной, он обволакивает, окутывает, лишает желания думать, и то, что в нем проскакивают золотые искорки любви, делает его еще более притягательным.

Драгоценным.

И я наслаждаюсь каждой минутой, каждым вздохом, каждым драгоценным мгновением.

— Ша-а-а-ни!!! Ша-а-а-анька!

Вопль был совершенно неуместным здесь и сейчас. Он разрывал осеннюю тишину, нарушал спокойствие и возмущал лес. Так считал мой парень, да и я так считала, но братцу было все равно.

— Ша-а-а-анька!!! Опять с Михом лижешься? Все родителям расскажу!!!

А все так хорошо начиналось!

Мне не так часто удастся удрать из-под родительского надзора, а уж в деревню меня и вовсе одну не пускают. Отец у меня лесничий, поэтому живем мы на отшибе, практически в лесу, достаточно далеко от дорог, и дружбы с деревенскими не водим.

Плохие они...

То деревья молодые на дрова порубят, то зверя подстрелят...

Барон Райдош, на землях которого мы и живем, браконьеров не одобряет. Отец их ловит, сдает бейлифу¹, а число их все не уменьшается...

Отец не злой, нет, он лес чует и понимает. Знает, где чьи тропы, знает, кто и где поставил силки, и не станет ловить того, кто действительно добывает пропитание своей семье.

Но гадов, которые отстреливают маток с детенышами, которые устраивают ловчие ямы и ставят арбалеты на звериных тропах, он гоняет нещадно. И поделом!

¹ Аналог шерифа. (Прим. авт.)

И молодняк на дрова вырубят, нет бы про сухостой спросить, но молодняк же рядом, а до сухостоя идти надо! И тащить его подальше. А то еще пал пустят, чтобы зверье отстрелить...

Всякое бывало. И бывает.

Конечно, никому из деревенских отец не нравится. Кому ж по нраву человек, который завтра может твоего сына или брата отволочь на суд? У нас же как? Если гады-законники кого поймали, это не он виноват! Он белый и пушистый, а вот они, нехорошие люди, подставили, оговорили, оклеветали...

Лично затащили в лес, сунули в руки арбалет и приказали расстрелять лосиху! И плевать, что у нее детеныш!

Сколько раз мы у себя таких зверят выхаживали! Сколько выпустили в лес...

Нас тоже не любят.

Меня, маму, брата — но нам это безразлично. Главное, что мы есть друг у друга, а любят там, не любят — всякому мил не будешь. Главное, чтобы близкие тебя любили, а остальной мир — перебьется.

— Шани? — Мих коснулся моих волос. Я улыбнулась парню. Шани — это сокращенное имя, для родных, для своих. Почему-то Миху нравится именно оно. Я не возражаю.

Не важно, как меня называют, важна интонация. И теплые золотистые лучики любви, которые тянутся от него ко мне.

А полное мое имя — Айшет, Айшет Ланат. Семья у нас небольшая, мой отец — Шем Ланат, мама, Айнара Ланат, и братик, Корс. Отец бродит по лесу, брат когда с ним, а когда и дома, мама и я — мы ведем хозяйство и ждем мужчин.

И все у нас хорошо...

Только вот Мих...

Мы познакомились не так давно, с полгода назад. Я как раз шла к роднику, а он заблудился. Ну и выбрел прямо на меня. И застыл, что тот дорожный столб.

Говорит, никогда никого красивее не видел.

Влюбился с первого взгляда.

Я.. я, наверное, тоже. Никого красивее Миха я не видела. Он высокий, светловолосый, голубоглазый, и руки у него сильные и теплые...

И не надо думать плохого. Ничего между нами не было, я девушка приличная. Да и... неправильно это. Говорят, в городе девушка может хоть с десятком парней переваляться, а потом замуж пойдет как ни в чем не бывало. Так то в городе.

В деревне свадьба — это ритуал. К нему лет десять готовятся, как приданое себе начинают шить, а потом еще сорок лет после вспоминают, а то и дольше.

В назначенный день родители жениха приезжают к невесте во двор, выкупать ее, потом отец невесты им отдает приданое, и надо, чтобы оно было не меньше выкупа, не то позор. Скажут — ленивая девка, не напряла, не наткала, не нашила... бывало, и свадьбы срывались, от такого-то позора.

А народ собирается, поддерживает жениха с невестой шуточками, иногда и до драки доходит раньше, чем до алтаря, да много чего вспомнить можно, но скучно никому не бывает.

Потом жених с невестой едут к холопу Светлого, он в ближайшую деревню два раза в год как раз и навещается, обвенчать молодых да детей освятить, потом гулянка начинается, а потом и брачная ночь. Также — строго по обычаю.

Стелют постель особым образом, бросают сверху белую простыню, которую невеста специально сама тклет ради такого дня, и наутро показывают всем пятно крови.

Эту простыню жена всю жизнь хранить будет, сильнее ее талисмана нет. Если ребенок заболит, его обязательно надо в эту простыню завернуть, в ней сила первой крови...

У мамы тоже такая есть.

Корс наконец нашел нас и встал, смешной такой, руки в боки.

Братцу всего семь лет, но ведет он себя как взрослый. Старается, и выглядит это умилительно. Он и вообще у меня такой... обаяшка, весь в отца.

Темные растрепанные волосы кудрями, яркие зеленые глаза — мамины, мои-то карие, попроще, а вот улыбка у него совершенно точно отцовская. Умилительная и плутовская.

— Я долго ждать буду? Шанька, там папа кабана принес, дел по горло, тебя щас родители искать начнут! Тогда наплачешься!

Я бросила извиняющийся взгляд на Миха:

— Прости. Бежать надо...

Мой парень улыбнулся. Потом притянул меня поближе, поцеловал в щеку, я привычно покраснела. Рыжая, вот и вспыхиваю в секунду.

— Жди через два дня с вестями. С отцом поговорю, да и к вам, свататься.

Я поежилась:

— Страшновато как-то...

— Двум смертям не бывать. Не век же нам по кустам прятаться...

Корс солидно кивнул:

— Это верно. Шанька у нас девушка честная, так что хватит врать-то. Женитесь уже!

Гаденьш мелкий! Получишь ты у меня на орехи!

Мих рассмеялся.

— Вот через два дня и решим. Или сам приду, или сватов зашлю. Шани, согласна?

Я... как описать это состояние?

Какие слова подобрать, чтобы рассказать про ощущение невероятного, безудержного счастья.

Он — мой. Он меня любит. И жениться хочет, и дом у нас будет, как у мамы с папой, такой, что каждый угол там пронизан светом любви. Теплым, ласковым, золотистым...

Мы будем очень счастливы...

Корс солидно кивнул:

— А раз так... Шань, пошли? Время не терпит...
Я кивнула. Повернулась к Миху, коснулась его щеки...
— Я буду ждать.

Я не говорила о своей любви. Но Мих и так все понял. И улыбнулся мне в ответ. Нежно-нежно...

В его голубых глазах не было ничего, кроме любви. Любовь сияла, любовь заливала светом лесную поляну, любовь согревала меня солнечными лучами...

Какая же я счастливая!

* * *

Сколько возни с кабаном?

Ох, много...

Папа его, конечно, разделает, но и нам потрудиться придется. Нарезать мясо на полосы для коптильни, промыть кишки для колбас, нарубить часть мяса, чтобы набить их...

Мы занимаемся мясом, а мужчины — шкурой. Ее тоже надо выделывать. И голову сохранить, может, папа ее продаст по осени.

Не все умеют охотиться, но похвалиться трофеями — дело другое, а кабан оказался матерущим. Здоровый секач, клыки в ладонь. Папа бил зверя в глаз, чтобы не попортить ни шкуру, ни голову.

И мама смотрит на меня, серьезно, вдумчиво...

— Шани, ты ничего мне рассказать не хочешь?

Я вздрогнула.

Вот как у мамы это получается?

Пара слов, и я уже готова все выложить. И ведь не соврешь, не увильнешь от ответа, но чуть потянуть время можно.

— Мам, а почему мы живем одни?

— Потому что не все твоего папу любят.

— А как мне быть? Мне уже пятнадцать лет, мне замуж пора...

Мамин взгляд стал острым, ярким, впился иголкой.

— И есть за кого? Вижу, есть... кто он, Айшет?

Я прикусила губу. Полгода тайну хранила, рассказывать было страшновато. Но сейчас или через два дня, все равно открываться надо. И я решилась.

— Его зовут Мих Лемерт. Он сын деревенского старосты.

— Лемерт, — пробормотала мама. Подумала пару минут. — Давно вы встречаетесь?

— Мам!

Я только глазами захлопала. Вот в этом вся мама. Молчит, смотрит, а потом вопрос, как стрела — и кабану в глаз. Или под лопатку — и насмерть.

— Айшет Ланат!

В мамином голосе слышался рокот приближающейся грозы. Мама у меня такая, ее даже отец старается не злить. Она добрая, мягкая, спокойная, но если уж взбеленится...

Вот тут — не подходи.

— Мам, мы уже давно друг друга знаем, почти полгода.

— Он тебя любит?

— Да.

— А ты его?

— Да...

— Где вы познакомились?

— Он заблудился, а я как раз шла за водой...

Я никак не могла понять, что думает мама. Обычно все было ясно — спокойные зеленые тона жизни или розоватые — любви, красноватое раздражение, золотое тепло...

Сейчас ее словно облако закрывало.

Мама непонятно усмехнулась... с горечью?

— Да, молодость не удержишь...

Я не поняла, о чем мама сейчас говорит, но ответила честно:

— Мих мне предложение сделал, он все по-доброму хочет, в храм меня отвести, как положено.

— Вот как...

Мама подняла руку, потереть лоб, вовремя заметила, что пальцы испачканы в крови, и поспешно опустила ладонь.

— Шани...

И голос такой странный, не радостный, не довольный — наоборот? Словно я что-то плохое сказала или сделала? Почему?

— Мам, если он попросит моей руки — вы согласитесь?

Мама посмотрела серьезно:

— Шани, детка, мы сегодня поговорим обо всем за ужином. Обещаю.

И мало доброго было в ее голосе. Я невольно выставила иголки, словно ежик.

— Но что в этом такого? Мне уже пятнадцать! В деревне в моем возрасте у некоторых и по двое детей бывает! А мы тут сидим с Корсом в лесу, как два филина, света не видим!

— Зато и свет вас не видит, — непонятно пробормотала мама. — И это к лучшему.

— Мам?

— Пока — помолчи. Поговорим вечером, а сейчас изволь работать.

Обещаний мама не нарушала никогда. Что мне оставалось? Только кивнуть и заняться делом. Грязная, конечно, работа, свиные кишки промывать, но если кто понимает толк в колбасе, с травами, с кусочками поджаренного сала, чуть-чуть подкопченной на угольках...

Я целое кольцо могу съесть. Вкуснотища необыкновенная!

* * *

Почему я еще не замужем, хотя мне уже пятнадцать? На то есть несколько причин, и серьезных. Мама с отцом не слишком общительны. Мы живем в лесу, выбираясь изредка в деревню, и там мама меня строго стережет. И одевает строже.

Платок на голову, темное платье, волосы заплетены в тугую косу, чтобы рыжие вихры не выбивались во все стороны...

Да и берут меня в деревню реже, чем папа туда ездит. Не каждый раз и не через раз, хотя я просилась. Но родители были против — оба, пришлось смириться. Мы почти ни с кем не общаемся. С людьми разговаривает папа, а меня мама даже в деревенскую лавку не пускает. Приходится в телеге ждать, с братом или отцом.

Да и пришлые они. И папа и мама — не местные уроженцы.

Они не любят об этом говорить, но у нас с Корсом создалось впечатление, что родители откуда-то сбежали. И чего-то боятся.

Чего может бояться наш папа, я так и не придумала, хотя версии были одна другой краше. От закона он не спасается, иначе не стал бы лесничим. Это работа такая, что надо быть на виду. Рано или поздно попадешься.

Может, он незаконный сын знатного вельможи?

Или моя мама — дочь аристократа?

Или?..

Гадать можно долго и безуспешно. Родители не торопятся делиться секретами. Может быть, сегодня вечером мне удастся приподнять завесу тайны над их прошлым? Кто знает?

* * *

За ужином у нас разговоры не ведутся.

Только когда все поели, отложили ложки в сторону, а мы с мамой принесли ягодный взвар, варенье и сушеные яблоки, мама начала разговор.

— Шем, мы с Шани сегодня говорили...

— О чем же?

В глазах отца была тревога, которой я не могла понять. Нет, не могла...

И все же! Тревога вспыхивала вокруг него оранжевыми искрами большого костра, и в такт пульсировал красным мамин страх.

Да что тут происходит?!

Что не так?! Чего я не понимаю?!

Молчание нарушил Корс.

— Шань, ты маме про Миха рассказала?

— Да, — кивнула я.

Братик сиял голубыми и розовыми искрами довольного и счастливого ребенка. У него все было хорошо, он радовался, что больше ничего не надо скрывать. А вот все остальные не радовались, вовсе даже наоборот.

— Что за Мих? — уточнил отец недобрым голосом.

— Мих Лемерт. — Я за собой вины не чувствовала. — Он сын старосты, из деревни. Мы встречаемся и хотим пожениться.

Отец медленно положил руки на стол. Сжал кулаки.

— И давно?

— Да уж с полгода.

— У меня под носом. Старый я дурак... Корс?

— Да, пап?

Братик за собой тоже вины не чувствовал. А я видела, как наливаются вокруг отца грозовые тучи, пульсируют, свиваются в глухую черную воронку, готовятся разразиться громом и молниями. И даже предупредить брата не могла. Мама как-то цепко взяла меня за руку и сжала. Крепко, давая понять, что своеволия не потерпит. Мне оставалось лишь молчать.

— Давно ты знаешь?

— О Михе? Месяца три, а что?

Брат уже начал понимать, что все не так просто, что ему сейчас достанется, но пока не понимал — за что? И тут отец врезал кулаком по столу.

— Молчали? Скрывали? Иди к себе, щенок, я с тобой еще поговорю.

— Что не так, пап?

Корса мы обожали, и мальчишка пользовался этим без зазрения совести, но сегодня нашла коса на камень. Не помогли ни умильная гримаска, ни хлопанье ресницами.

— Иди. К себе. Немедленно.

— Пап!

— И на охоту ты со мной еще год не пойдешь, — припечатал отец. — Твоя сестра ведет себя как распутная девка, а ты ее покрываешь?

— Я не!..

Я аж задохнулась от несправедливости, хотела встать, крикнуть, но мама как-то перехватила мою руку, нажала на точку на кисти...

Больно.

Ай!!!

— Мама?

— Сиди и молчи, — приказала мама. Никогда я от нее такого голоса не слышала, даже когда мы с Корсом решили набрать первых ягод и на четыре часа удрали в лес, не предупредив. Даже тогда она так не злилась. А сейчас...

Ничего не понимаю!

— Родителям врешь, скрываешь... Своим — никогда не врут. Запомни это. Нас четверо друг у друга, а ты нам врешь, подличаешь за спиной, оба тихушничаете!

Корс выглядел смущенным.

— Пап...

— Иди к себе. Я с тобой еще поговорю.

Брат вздохнул, вышел из-за стола и отправился в спальню. О сладком он и не заговорил.

Отец у нас хоть и любящий, а розгу обчистить может, еще как.

А я осталась.

Отец посмотрел на меня:

— Теперь с тобой, Шани. Что это за глупости с Лемертом?

Я выпрямилась, принимая первый в своей жизни бой. Никогда раньше я с родителями не спорила, а сейчас вот